

Экстравертное Мышление

Вследствие общей экстравертной установки мышление ориентируется по объекту и по объективным данным. Такое ориентирование мышления ведет к ярко выраженной особенности. Мышление вообще питается, с одной стороны, из субъективных, в конечном счете бессознательных источников, с другой стороны, оно питается объективными данными, которые поставляются чувственными апперцепциями. Экстравертное мышление в большей степени определяется этими последними факторами, нежели первыми. Суждение всегда предполагает известное мерило; для экстравертного суждения значительным и определяющим мерилom является, главным образом, заимствование у объективных обстоятельств, все равно, представляется ли оно прямо в виде объективного, чувственно воспринимаемого факта или же в виде объективной идеи, ибо объективная идея есть нечто внешне данное и извне заимствованное, даже если она субъективно одобряется. Поэтому экстравертное мышление совсем не должно быть чисто конкретным мышлением фактов; оно точно так же может быть чисто идейным мышлением, если только установлено, что идеи, при помощи которых протекает мышление, более заимствованы извне, то есть переданы традицией, воспитанием и ходом образования. Итак, критерий для суждения о том, экстравертно ли мышление, заключается прежде всего в вопросе, по какому мерилу направляется процесс суждения, - передается ли это мерило извне, или же оно имеет субъективный источник. Дальнейшим критерием является направление умозаключений, а именно вопрос: имеет ли мышление преимущественное направление на внешнее или нет? То обстоятельство, что мышление занимается конкретными предметами, еще не доказывает его экстравертной природы, ибо я мысленно могу заниматься конкретным предметом двояко: или абстрагируя от него мое мышление, или конкретизируя им мое мышление. Если даже мое мышление занято конкретными вещами и постольку могло бы быть названо экстравертным, то все-таки остается еще нерешенным и характерным, какое направление примет мышление, а именно: направится ли оно в своем дальнейшем развитии опять к объективным данностям, к внешним фактам, либо к общим, уже данным понятиям, - или нет. В практическом мышлении купца, техника, естествоиспытателя - направление на объект сразу видно. Мышление же философа может вызвать сомнение, когда направление его мыслей имеет целью идеи. В этом случае необходимо исследовать, с одной стороны, являются ли эти идеи только абстракциями из наблюдений над объектом, не представляющими собой ничего, кроме высших коллективных понятий, которые включают в себя совокупность объективных фактов; с другой стороны, нужно исследовать, не переданы ли эти идеи по традиции, или не заимствованы ли они у духовного мира окружающей среды (если они не являются явными абстракциями из непосредственных наблюдений). Если на этот вопрос последует утвердительный ответ, то это значит, что такие идеи также принадлежат к категории объективных данностей; следовательно, такое мышление тоже должно быть названо экстравертным.

Хотя я предполагал изложить сущность интровертного мышления не здесь, а в одном из

следующих отделов, мне все-таки кажется неизбежным дать уже и теперь некоторые указания. Ибо если вникнуть в сказанное только что об экстравертном мышлении, то легко можно прийти к заключению, будто я разумею при этом *все*, что обычно понимают под мышлением. Мышление, которое не направлено ни на объективные факты, ни на общие идеи, можно было бы сказать, вовсе и не заслуживает названия "мышления". Я сознаю, что наше время и его выдающиеся представители знают и признают только экстравертный тип мышления. Это происходит отчасти оттого, что по общему правилу всякое мышление, появляющееся на поверхности мира в форме науки, философии или же искусства, либо прямо вытекает из объекта, либо изливается в общие идеи. В силу обоих оснований оно является хотя и не всегда очевидным, но все-таки по существу понятным и потому сравнительно имеющим значимость. В этом смысле можно сказать, что известен, в сущности, только экстравертный интеллект, то есть именно тот, который ориентируется по объективно данному. Однако - и теперь я перехожу к интровертному интеллекту - существует еще мышление совсем иного рода, которому никоим образом нельзя отказать в названии "мышления", а именно такое, которое не ориентируется ни на непосредственном объективном опыте, ни на общих и объективно переданных идеях. К этому другому роду мышления я прихожу так: когда я мысленно занимаюсь каким-нибудь конкретным объектом или общей идеей, и притом таким образом, что направление моего мышления в конечном счете снова приводит назад к моим предметам, то этот интеллектуальный процесс не есть единственный психический процесс, происходящий во мне в этот момент. Я имею тут в виду вовсе не всевозможные ощущения и чувства, которые обнаруживаются наряду с моим ходом мысли, более или менее нарушая его; я подчеркиваю то, что это течение мыслей, исходящее от объективно данного и стремящееся к объективному, вместе с тем находится в постоянном отношении и к субъекту. Это отношение есть

conditio sine qua non

(непременное, обязательное условие), ибо без него вообще никакого течения мыслей не было бы. Если даже ход моих мыслей направляется, насколько только возможно, по объективно данному, то он все-таки остается моим субъективным ходом мыслей, который не может ни избежать вмешательства субъективного элемента, ни обойтись без него. Если я даже стремлюсь придать течению моих мыслей во всех отношениях объективное направление, то я все-таки не могу прекратить параллельный субъективный процесс и его постоянное участие, не угашая тем самым жизнь моего течения мыслей. Этот параллельный субъективный процесс имеет естественную и лишь более или менее неизбежную тенденцию субъективизировать объективно данное, то есть ассимилировать его субъекту.

И если главный акцент падает на субъективный процесс, то возникает тот другой род мышления, который противостоит экстравертному типу, а именно в направлении, ориентирующемся на субъекта и на субъективно данное; я называю его интровертным. Из этого другого ориентирования возникает мышление, которое не определено объективными фактами и не направлено на объективно данное, то есть такое мышление, которое исходит от субъективно данного и направлено на субъективные идеи или на факты, имеющие субъективную природу. Я не хочу более останавливаться

здесь на этом мышлении, а хочу лишь установить его наличность, чтобы тем дать необходимое дополнение для экстравертного хода мыслей и лучше осветить его сущность.

Итак, экстравертное мышление имеет место лишь благодаря тому, что объективное ориентирование получает некоторый перевес. Это обстоятельство ничего не меняет в логике мышления; оно образует лишь то различие между мыслителями, которое, по концепции Джемса, есть вопрос темперамента. Итак, ориентирование по объекту ничуть не меняет сущности мыслительной функции, а меняет лишь ее проявление. Так как это мышление ориентируется по объективно данному, то оно является прикованным к объекту так, как если бы оно совсем не могло существовать без внешнего ориентирования. Оно появляется как бы в свите внешних фактов, или оно достигает, по-видимому, своей высоты, когда может влиться в общепризнанную идею. Оно, по-видимому, всегда вызывается объективно данным и способно выводить свои заключения лишь с его согласия. Поэтому оно производит впечатление несвободы, а иногда близорукости, несмотря на всю его ловкость, которую оно проявляет в области, ограниченной объективно данным. То, что я здесь описываю, есть лишь впечатление, которое экстравертное мышление производит на наблюдателя, причем наблюдатель должен стоять на другой точке зрения, уже по одному тому, что иначе он бы совсем не мог наблюдать самого явления экстравертного мышления. Благодаря этой иной точке зрения он и видит только одно явление, а не сущность мышления. Но тот, кто пребывает в самой сущности этого мышления, способен постигнуть его сущность, а не явление. Обсуждение, основанное на одном лишь явлении, не может по справедливости оценить сущность, и поэтому в большинстве случаев оно обесценивает ее.

Но существу же это мышление оказывается не менее плодотворным и творческим, чем интровертное мышление, но только силы его служат иным целям. Это различие становится особенно ощутительным тогда, когда экстравертное мышление овладевает материалом, который является специфическим предметом субъективно ориентированного мышления. Это случается, например, тогда, когда субъективное убеждение объясняется аналитически из объективных фактов или как следствие, выводимое из объективных идей. Но для нашего естественно-научно ориентированного сознания различие между обоими видами мышления становится еще нагляднее, когда субъективно ориентированное мышление делает попытку привести объективно данное в связь с объективно *не* данными соотношениями, то есть подчинить его субъективной идее. И то и другое ощущается как нарушение, и тогда именно выступает то затенение, которому оба рода мышления подвергают друг друга. Субъективно ориентированное мышление представляется тогда чистым произволом, а экстравертное мышление, напротив, плоской и пошлой несовместимостью. Поэтому обе точки зрения непрерывно враждуют между собой.

Можно было бы думать, что эту борьбу легко было бы покончить посредством отделения начисто предметов субъективной природы от предметов объективной природы. К сожалению, это отмежевание невозможно, хотя многие уже пытались осуществить его. И если бы даже такое размежевание было возможно, то оно было бы большой бедой, потому что оба ориентирования, сами по себе, односторонни, имеют лишь ограниченное значение и именно потому нуждаются во взаимном влиянии. Если объективно данное подчиняет мышление своему влиянию в сколько-нибудь большей степени, то оно стерилизует мышление, причем это последнее низводится до простого придатка при объективно данном так, что оказывается уже совершенно неспособным освободить себя от объективно данного и создать отвлеченное понятие. Тогда процесс мышления ограничивается простым "обдумыванием", и не в смысле "размышления", а в смысле простого подражания, которое по существу не высказывает ничего, кроме того, что очевидно и непосредственно уже содержалось в объективно данном. Естественно, что такой процесс мышления непосредственно приводит обратно к объективно данному, но никогда не выводит за его пределы и даже не доводит до возможности пристегнуть опыт к объективной идее; и наоборот, если это мышление имеет своим предметом объективную идею, то оно не сможет достигнуть практического единичного опыта, а пребудет навсегда в более или менее тавтологическом состоянии. Материалистическая ментальность дает тому наглядные примеры.

Если экстравертное мышление благодаря усиленной детерминированности объектом подчинено объективно данному, то оно, с одной стороны, совсем теряется в единичном опыте создает накопление непереваренного эмпирического материала. Подавляющая масса более или менее бессвязных единичных наблюдений вызывает состояние мысленной диссоциации, которая, с другой стороны, обычно требует психологической компенсации. Эта компенсация состоит в столь же простой, сколь и общей идее, которая должна сообщить накопленному, но внутренне бессвязному целому некую связность или по крайней мере предчувствие таковой. Подходящими идеями для этой цели являются, например, "материя" или "энергия". Но если мышление привязано главным образом не столько к внешним фактам, сколько к традиционной идее, то в виде компенсации скудности такой мысли появляется тем более внушительное нагромождение фактов, которые односторонне группируются согласно сравнительно-ограниченной и бесплодной точке зрения, причем обычно совершенно утрачиваются более ценные и богатые содержанием аспекты вещей. Головокружительное обилие современной, так называемой научной литературы обязано своим существованием - в высокой, к сожалению, степени - именно такому ложному ориентированию.

Как показывает опыт, основные психологические функции в одном и том же индивиде редко или почти никогда не обладают одинаковой силой или одинаковой степенью развития. Обычно одна из функций имеет перевес как по развитию, так и по силе. И если среди психологических функций первенство выпадает на долю мышления, то есть если индивид исполняет свое жизненное дело, руководствуясь главным образом головным рассуждением так, что все сколько-нибудь важные поступки проистекают из интеллектуально помысленных мотивов или, по крайней мере по тенденции своей, должны были бы вытекать из них, то речь идет о мыслительном типе. Такой тип может быть либо интровертным, либо экстравертным. Здесь мы прежде всего займемся *экстравертным мыслительным типом*.

Согласно определению, это будет человек, который - конечно, лишь постольку, поскольку он представляет собой чистый тип, - имеет стремление ставить всю совокупность своих жизненных проявлений в зависимость от интеллектуальных выводов, в конечном счете ориентирующихся по объективно данному, или по объективным фактам, или по общезначимым идеям. Человек такого типа придает решающую силу объективной действительности или соответственно ее объективно ориентированной интеллектуальной формуле, притом не только по отношению к самому себе, но и по отношению к окружающей среде. Этой формулой измеряется добро и зло, ею определяется прекрасное и уродливое. Верно все то, что соответствует этой формуле, неверно то, что ей противоречит, и случайно то, что безразлично проходит мимо нее. Так как эта формула является соответствующей мировому смыслу, то она становится и мировым законом, который всегда и повсюду должен осуществляться как в единичностях, так и в общем. Подобно тому как экстравертный мыслительный тип подчиняется своей формуле, так должна подчиняться ей и окружающая его среда, для ее собственного блага, ибо тот, кто этого не делает, тот не прав, он противится мировому закону, и поэтому он неразумен, неморален и бессовестен. Мораль экстравертного мыслительного типа запрещает ему допускать исключения, так как его идеал должен при всех обстоятельствах становиться действительностью, ибо он представляется ему чистейшей формулой объективной фактической реальности, и потому он должен быть и общезначимой истиной, необходимой для блага человечества. И это не из любви к ближнему, а с высшей точки зрения справедливости и правды. Все, что он в своей собственной природе воспринимает как противоречащее этой формуле, есть лишь несовершенство, случайный недочет, который при первой же возможности будет искоренен, или если это не удастся, то такое явление признается болезненным. Если терпимость по отношению ко всему больному, страдающему и ненормальному должна стать составной частью формулы, то для этого создаются специальные установления, например спасательные учреждения, больницы, тюрьмы, колонии и т.д., или соответствующие этому планы и проекты. Обыкновенно для реального выполнения оказывается недостаточно одного мотива справедливости и правды, а нужна еще настоящая любовь к ближнему, которая имеет дело больше с чувством, чем с интеллектуальной формулой. Большую роль играют такие выражения, как: "собственно говоря", "следовало бы" или "нужно было бы". Если формула достаточно широка, то этот тип может сыграть в общественной жизни чрезвычайно полезную роль в качестве

реформатора, публичного обвинителя и очистителя совести или же пропагандиста важных новшеств. Но чем уже формула, тем скорее этот тип превращается в брюзгу, рассудочника и самодовольного критика, который хотел бы втиснуть себя и других в какую-нибудь схему. Этим уже указаны два предельных пункта, между которыми движется большинство этих типов.

Соответственно с сущностью экстравертной установки воздействия и проявления этих лиц бывают тем благоприятнее или лучше, чем ближе они к внешнему. Их лучший аспект находится на периферии их сферы деятельности. Чем глубже проникаешь в их царство, тем заметнее становятся неблагоприятные последствия их тирании. На периферии пульсирует еще другая жизнь, которая воспринимает истинность формулы как ценный придаток ко всему остальному. Но чем глубже проникаешь в ту сферу, где властвует формула, тем более отмирает всякая жизнь, не соответствующая формуле. Испытывать на себе дурные последствия экстравертной формулы приходится больше всего членам его же семьи, ибо они первые неумолимо "осчастливливаются" ею. Но больше всего от этого страдает сам субъект, итак, мы подходим к другой стороне психологии этого типа.

То обстоятельство, что никогда не было и никогда не будет такой интеллектуальной формулы, которая могла бы вместить в себе и надлежащим образом выразить полноту жизни и ее возможностей, вызывает некую задержку и соответственно исключение других важных жизненных форм и жизненных деятельностей. У человека этого типа в первую очередь подвергнутся подавлению все зависящие от чувства жизненные формы, как, например, эстетические занятия, вкус, художественное понимание, культ дружбы и т. д. Иррациональные формы, как-то: религиозный опыт, страсти и тому подобное - бывают нередко удалены до полной бессознательности. Эти при известных обстоятельствах чрезвычайно важные жизненные формы влачат по большей части бессознательное существование. Бывают, правда, исключительные люди, которые могут всю свою жизнь принести в жертву одной определенной формуле, однако большинство не в состоянии длительно жить в такой исключительности. Рано или поздно, смотря по внешним обстоятельствам и внутреннему предрасположению, вытесненные интеллектуальной установкой жизненные формы косвенно обнаружатся через нарушение сознательного образа жизни. Если это нарушение доходит до значительной степени, то начинают говорить о неврозе. В большинстве случаев, правда, дело не заходит так далеко благодаря тому, что индивид инстинктивно позволяет себе некоторые предохраняющие смягчительные формулы, но, конечно, в подходящем, разумном облачении. Тем самым создается спасительный клапан.

Вследствие относительной или полной бессознательности тенденций и функций, исключенных сознательной установкой, они остаются в сравнительно неразвитом состоянии. По отношению к сознательной функции они оказываются подчиненными

(неполноценными). Поскольку они бессознательны, они сливаются с остальными содержаниями бессознательного и от этого принимают причудливый характер. Поскольку они сознательны, они играют второстепенную роль, хотя и имеют немаловажное значение в общей психологической картине. Задержка, исходящая от сознания, поражает прежде всего чувства, потому что они скорее всего противоречат косной интеллектуальной формуле и поэтому вытесняются интенсивнее всего. Ни одна функция не может быть совершенно выключена; каждая может быть только в значительной степени искажена. Поскольку чувства поддаются произвольному оформлению и подчинению, они должны поддерживать интеллектуальную установку сознания и приспособляться к ее намерениям. Однако это возможно лишь до известной степени; одна часть чувства остается непокорной, и поэтому ее приходится подвергнуть вытеснению. Если вытеснение удастся, то чувство исчезает из сознания и развивает тогда под порогом сознания деятельность, противоборствующую сознательным намерениям и, при известных обстоятельствах, достигающую таких эффектов, происхождение которых представляется для индивида полной загадкой. Так, например, сознательный (зачастую необычный) альтруизм пересекается тайным и скрытым от самого индивида себялюбием, которое накладывает печать своекорыстия на бескорыстные по существу поступки. Чистые этические намерения могут привести индивида к критическим положениям, в которых является более чем вероятным, что решающие мотивы суть не этические, а совсем другие. Таковы, например, добровольные спасители или блюстители нравов, которые вдруг сами оказываются нуждающимися во спасении или скомпрометированными. Их намерение спасти заставляет их прибегать к таким средствам, которые способны повести именно к тому, чего хотелось бы избежать. Есть экстравертные идеалисты, которые так стараются над осуществлением своего идеала для блага человечества, что сами не боятся даже лжи и других нечестных средств. В науке имеется несколько щекотливых примеров, когда высокозаслуженные ученые, движимые глубочайшим убеждением в истине и общезначимости своей формулы, создавали подложные доказательства в пользу своего идеала. И все это по формуле: цель оправдывает средства. Только подчиненная (неполноценная) функция чувства, бессознательно действующая и вводящая в соблазн, может довести до таких заблуждений людей, в остальном стоящих на высоте.

Присущая этому типу неполноценность чувства выражается еще иным способом. Сознательная установка, согласно преобладающей предметной формуле, является более или менее неличной часто до такой степени, что личные интересы сильно страдают от этого. Если сознательная установка оказывается крайней, то все личные соображения отпадают - даже забота о своей собственной личности. Обнаруживается пренебрежение к своему собственному здоровью, общественное положение приходит в упадок, самые жизненные интересы собственной семьи подвергаются часто насилию и терпят ущерб в смысле здоровья, денег и морали - и все это во имя идеала. Неизменно страдает личное участие к другому человеку, если только этот другой случайно не является ревнителем той же формулы. Поэтому нередко бывает так, что более тесный семейный круг, в особенности, например, собственные дети, знает такого отца только как жестокого тирана, тогда как в широком кругу разносится слава о его

человеколюбии. Не вопреки полной сверхличности сознательной установки, а именно вследствие ее чувства бессознательного отличаются чрезвычайной личной чувствительностью и вызывают некоторые тайные предубеждения, в особенности известную готовность превратно истолковывать объективную оппозицию против формулы как личное недоброжелательство или же всегда делать отрицательное предположение о качествах других лиц для того, чтобы заранее обессиливать их аргументы, конечно ради защиты своей собственной чувствительности.

Бессознательная чувствительность часто влияет на тон разговора, делая его резким, заостренным, агрессивным. Часто встречаются инсинуации. Чувства приобретают характер чего-то добавочного и догоняющего, как это и соответствует подчиненной (неполноценной) функции. Это ведет к ярко выраженной склонности злопамятствовать. Насколько широк размах индивидуального самопожертвования ради интеллектуальной цели, настолько мелочны, подозрительны, капризны и консервативны бывают чувства. Все новое, что не содержится уже в формуле, рассматривается сквозь дымку бессознательной ненависти и обсуждается соответственно с этим. В середине прошлого столетия случилось так, что славившийся своим человеколюбием врач пригрозил прогнать своего ассистента за то, что последний пользовался термометром, ибо формула гласила: лихорадка узнается по пульсу. Таких случаев, как известно, множество.

Чем сильнее вытеснены чувства, тем хуже и незаметнее их влияние на мышление, которое во всех остальных отношениях может быть в безупречном состоянии. Интеллектуальная точка зрения, которая, быть может благодаря фактически присущей ей ценности, имела бы право на всеобщее признание, характерным образом изменяется под влиянием бессознательной личной чувствительности: она становится догматически-косной. Самоутверждение личности переносится на нее. Истина не представляется больше своему естественному воздействию, но благодаря отождествлению субъекта с нею она испытывается как сентиментальная куколка, которую обидел злой критик. Критик подвергается уничтожению, по возможности при помощи личных нападков, и нет такого другого аргумента, который при случае не был бы пущен в ход. Истина должна излагаться до тех пор, пока публика не начнет понимать, что, очевидно, дело не столько в самой истине, сколько в личности ее творца.

Но иногда благодаря бессознательному вмешательству бессознательных личных чувств догматизм интеллектуальной точки зрения подвергается еще дальнейшим своеобразным измерениям, которые основаны не столько на чувстве в строгом смысле слова, сколько на примеси других бессознательных факторов, слитых в бессознательном с вытесненным чувством. Хотя сам разум доказывает, что всякая интеллектуальная формула может иметь в качестве истины лишь ограниченную значимость и поэтому никогда не может притязать на единодержавие, однако на практике формула получает все-таки такой перевес, что рядом с ней все остальные точки зрения и возможности отходят на задний план. Она заменяет все более общие,

более неопределенные и поэтому более скромные и более истинные воззрения на мир. По этой же причине она также занимает место того общего воззрения, которое именуется религией. Тем самым формула становится религией, даже если она по существу своему не имеет никакого отношения ни к чему религиозному. От этого она приобретает и присущий религии характер безусловности. Она становится, так сказать, интеллектуальным суеверием. Но все вытесненные ею психологические тенденции скапливаются в бессознательном, образуют там оппозицию и вызывают приступы сомнений. Обороняясь от сомнения, сознательная установка становится фанатичной, ибо фанатизм есть не что иное, как сверхкомпенсированное сомнение. Такое развитие ведет в конце концов к преувеличенной защите сознательной позиции и к формированию абсолютно противоположной бессознательной позиции, которая, например, в противоположность к сознательному рационализму является крайне иррациональной, а в противоположность к современной научной сознательной точке зрения оказывается крайне архаичной и суеверной. В результате этого и слагаются известные нам из истории наук ограниченные и смешные воззрения, о которые в конце концов спотыкались многие заслуженные ученые. Иногда бессознательная сторона такого мужчины воплощается в женщине. Этот, наверное, хорошо знакомый читателю тип встречается, согласно моему наблюдению, преимущественно среди мужчин, как и вообще мышление есть функция, гораздо чаще преобладающая у мужчины, чем у женщины. Если у женщины мышление достигает преобладания, то, насколько я могу проследить, это в большинстве случаев мышление, которое только следует за преимущественно *интуитивной* духовной деятельностью.

Мышление экстравертного мыслительного типа позитивно, *то есть* оно продуктивно. Оно ведет или к новым фактам, или к общим концепциям разрозненного опытного материала. Обычно его суждение *синтетическое*.

Даже если оно разлагает, оно все же строит, ибо оно всегда или выходит за пределы разложения к новому соединению, к иной концепции, по-иному соединяющей разложенное, или оно присоединяет к данному материалу что-нибудь дальнейшее. Такого рода суждение можно было бы назвать также *предикативным*.

Во всяком случае характерно то, что оно никогда не бывает абсолютно обесценивающим или деструктивным, но всегда заменяет каждую разрушенную ценность другой. Это свойство возникает оттого, что мышление мыслительного типа является, так сказать, каналом, по которому, главным образом, течет его жизненная энергия. Неустанно идущая вперед жизнь проявляется в его мышлении, отчего его мысль получает характер прогрессивный и творческий. Его мышление не застаивается, и еще менее оно регрессирует. Однако мышление приобретает эти свойства, когда оно теряет свое первенствующее место в сознании. Так как в этом случае оно является сравнительно лишенным значения, то оно бывает лишено характера позитивной жизненной деятельности. Оно следует за другими функциями; оно становится эпиметеевским, оно почти становится "задним умом крепко", ибо оно всегда ограничивается тем, что в мыслях пережевывает, расчленяет и переваривает то, что

предшествовало и уже свершилось. Так как в таком случае творческое начало укрывается в другой функции, то мышление оказывается уже не прогрессивным; оно начинает застаиваться. Его суждение принимает ярко выраженный неотъемлемый характер (inherence), то есть оно совершенно ограничивается объемом наличного материала и нигде не выходит за его пределы. Оно довольствуется более или менее абстрактным констатированием, не придавая опытному материалу иной ценности, кроме той, которая заложена в нем с самого начала. Интегрирующее суждение экстравертного мышления ориентируется по объекту, то есть его констатирование всегда имеет смысл того объективного значения, которое дано в опыте. Поэтому оно не только остается под ориентирующим влиянием объективно данного, но остается даже прикованным к единичному опыту и не высказывает о нем ничего, кроме того, что уже дано через него. Такое мышление легко наблюдается у людей, которые не могут воздержаться, чтобы не присоединить к каждому впечатлению или наблюдению какое-нибудь разумное и, без сомнения, очень дельное замечание, ничуть не выходящее, однако, за пределы данного опыта. Такое замечание в сущности утверждает только: "я это понял, я могу следить за этим мыслью". Но этим дело и ограничивается. Такое суждение в лучшем случае означает лишь то, что наблюдение включено в объективную связь, причем, однако, уже было и без дальнейшего ясно, что наблюдение входит в эти рамки.

Но если сознательный примат принадлежит в сколько-нибудь высокой степени не мышлению, а другой функции, то мышление принимает негативный характер, поскольку оно вообще еще сознательно и не находится в прямой зависимости от доминирующей (ведущей) функции. Поскольку мышление подчинено ведущей функции, оно, правда, может казаться позитивным; однако при ближайшем исследовании нетрудно бывает показать, что оно просто повторяет за доминирующей функцией, поддерживает ее аргументами, часто в явном противоречии с присущими мышлению законами логики. Стало быть, для данного нашего рассуждения эта часть мышления отпадает. Мы занимаемся скорее свойствами той части мышления, которая не может подчиниться примату другой функции, но остается верной своему собственному принципу. Наблюдение и исследование этого мышления трудно, потому что в конкретном случае оно всегда бывает более или менее вытеснено установкой сознания. Поэтому в большинстве случаев его приходится извлекать из задних планов сознания, если оно как-нибудь случайно, в момент отпавшего надзора, само не всплывает на поверхность. В большинстве случаев его приходится выманивать вопросом: "Но что же вы, собственно говоря, в сущности и совсем про себя думаете об этом деле?" Или приходится даже прибегать к хитрости и формулировать вопрос примерно так: "Что же вы представляете, что об этом думаю Я?"

На этой последней формуле приходится останавливаться в тех случаях, когда подлинное мышление бессознательно и поэтому спроецировано. Мышление, которое, таким образом, выманивается на поверхность сознания, имеет характерные свойства, в силу которых я и называю его негативным. Его *habitus*

лучше всего определяется словами "не что иное, как". Гете олицетворил это мышление в образе Мефистофеля. Прежде всего оно имеет тенденцию сводить предмет своего суждения к какой-нибудь банальности и лишать его собственного, самостоятельного значения. Это делается так, что предмет изображается зависящим от какой-нибудь другой, банальной вещи. Если, например, между двумя мужчинами возникает какой-либо, по-видимому, предметный конфликт, то негативное мышление говорит: "*Cherchez la femme*".

". Если человек защищает или пропагандирует какое-нибудь дело, то негативное мышление спрашивает не о значении самого дела, а о том, сколько это ему приносит дохода. Приписанные Молешотту слова: "Человек есть то, что он ест" тоже относятся к этой категории, так же как и множество других изречений, которые мне нет надобности приводить дословно. Разрушительный характер такого мышления, равно как иногда и ограниченная полезность его, не требует, конечно, дальнейших объяснений.

Однако есть еще иной вид негативного мышления, который на первый взгляд вряд ли можно даже распознать как таковой, а именно мышление *теософическое*, которое ныне быстро распространяется во всех частях света, быть может, в виде реакции против материализма непосредственно предшествовавшей эпохи. Теософическое мышление, по-видимому, совсем не редуктивно, но возводит все же к трансцендентным и мирообъемлющим идеям. Например, сновидение не есть просто скромное сновидение, а переживание в "иной плоскости". Необъяснимый еще факт телепатии объясняется очень просто: "вибрациями", идущими от одного человека к другому. Обыкновенное нервное расстройство объясняется очень просто тем, что недомогает астральное тело. Некоторые антропологические особенности жителей Атлантического побережья легко объясняются гибелью Атлантиды и т. д. Стоит только открыть теософскую книгу, чтобы задохнуться от сознания, что все уже объяснено и что "духовная наука" не оставила вообще никаких загадок. В сущности, такого рода мышление столь же негативно, как и мышление материалистическое. Если это последнее истолковывает психологические процессы как химические изменения в ганглиозных клетках, или как выпускание и втягивание клеточных отростков, или же как внутреннюю секрецию, то такое понимание совершенно столь же суеверно, как и теософия. Единственное различие заключается в том, что материализм сводит все к понятной нам физиологии, тогда как теософия возводит все к понятиям индусской метафизики. Если свести сновидение к переполненному желудку, то ведь сновидение этим не объяснено, и если телепатию объяснить "вибрациями", то и этим тоже ничего не сказано. Ибо что такое "вибрация"? Оба способа объяснения не только бессильны, но и разрушительны, ибо они мешают серьезному исследованию проблемы тем, что они посредством мнимого объяснения отвлекают интерес от самого предмета и направляют его в первом случае на желудок, а во втором - на воображаемые вибрации. Оба вида мышления бесплодны и стерилизующи. Негативная особенность этого мышления происходит оттого, что это мышление столь неопишимо дешево, то есть бедно производительной и творческой энергией. Это мышление тянется на буксире за другими функциями.

Экстравертный мыслительный тип

Автор: admin

30.11.2010 12:34 -

Перевод © София Лорие (под ред. В. Зеленского)

К.Г.Юнг «Психологические типы», Спб.: Азбука, 2001